

следов хаоса порядок? Между прочим, не менее осмысленна постановка вопроса, как образуется хаос из установившегося или кем-то установленного порядка? И наконец, вовсе не праздный вопрос: где локализована свобода — в хаосе или в порядке? Без вразумительных ответов на эти вопросы едва ли целесообразно исследование понятий хаоса и порядка в исследованиях живого.

И. Р. Пригожин, обсуждая диссипативные структуры или открытые системы потокового типа, говорит об их способности создавать и сохранять определенный уровень порядка в своей организации⁵. Вводимое понятие «уровень порядка» должно быть опредмечено, тогда оно может быть и операционализировано применительно к изучению живого, в частности живого движения. В контексте физиологии активности (психологической физиологии) продуктивно используется понятие «степени свободы» живых организмов. Способность к их развитию или, что не менее важно, способность к их обузданию и преодолению вполне предметно могут характеризовать то, что И. Р. Пригожин называет уровнем порядка.

Не будем умножать сущности. Однако обратим внимание на идею взаимоперехода концептуальных новообразований и проблемных пунктов из одной области психологии в другую. Ведь сферы культурно-исторической психологии и психологии поступка (включающей и движения, и действия, и поведение, и деятельность, и деяния) соотносимы друг с другом, поскольку и слово и действие (деяние, поступок и т. д.) есть знак, символ или медиатор человеческого общения и понимания. Или, если перевести это на язык психологии развития — «узел развития». «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия». В этих строчках Мандельштама удивительно точно характеризуется ситуация развития, которая представляет собой не только завязывание узлов, но и их развязывание. Последнее не менее важно и, порой, представляет собой значительно большие трудности. Невозможность развязать узел нередко означает конец развития, а то и смерть. Трудности же в развязывании жизненных узлов сопровождаются духовными кризисами роста и развития.

Конструктивизм как умонастроение и как методология

Любое научно-исследовательское направление, выполняющее в научной культуре интегративную функцию, очень часто сравнивают с кораблем Одиссея, движущимся между Сциллой и Харибдой. Частота употребления этой метафоры указывает на реальное положение дел в науке. Интегративное научное направление всегда вынуждено лавировать между сложившимися научными крайностями интерпретаций, подходов, точек зрения. В случае с культурно-исторической психологией — этот образ оправдан: с одной стороны, она вынуждена противостоять давлению физиологизма, пытающегося объяснить все психические феномены через физиологические явления, в том числе через их редукцию к физиологии высшей нервной деятельности, а с другой — пытается избежать конструктивистских тенденций, абсолютизирующих познавательную активность субъекта. Нас в данном случае будут интересовать исследовательские риски, связанные с внедрением конструктивистских методологических подходов в психологические изыскания. И прежде всего потому, что анализ рисков физиологизма в психологии уже имеет длительную методологическую традицию.

Термин «конструктивизм» используется обычно для обозначения целого ряда похожих друг на друга идейных тенденций, обнаруживающих себя в весьма различных областях культурной деятельности. От математики до живописи, от психологии до архитектуры. В общем, это более или менее ясно осознаваемое умонастроение, представляющее конструирующую способность человека в любом типе деятельности как выражение самой сути этой деятельности, как исчерпывающее выражение самой специфики данного типа деятельности.

⁵ Пригожин И. Р. От существующего к возникающему. М., 1985.

Современная психологическая наука испытала мощное влияние конструктивизма. В течение последних двадцати лет в ее рамках возникает «социально-конструкционистский подход», ключевые особенности которого: релятивизм, критическая позиция, внимание к проблемам языка, социальных процессов и власти. Это направление актуализируется сегодня с учетом двух тенденций: 1) прагматизации психологии, ориентации ее на прикладные (терапевтические) задачи, 2) релятивизации эпистемологической проблематики в философских и методологических исследованиях.

В свете сказанного нам представляется, что релевантные аспекты конструкционистской психологии могут быть прояснены при обращении к современной ситуации в области философско-гносеологической проблематики. Именно здесь образуется эпистемологический фон, позволяющий нам понять истоки методологического «негативизма» и прикладной ориентированности социального конструкционизма в психологии¹.

Для эпистемологии, особенно для ее логико-методологических направлений, это умонастроение в принципе не ново. Оно проникло в эту область вместе с идеей активности научно-познавательной деятельности, так или иначе обнаруживая себя у Беркли, Юма, Канта и неокантианцев, у Шопенгауэра и Больцано, у Витгенштейна, Куайна, Поппера... В прошлом столетии мощные импульсы, поддерживающие это умонастроение, пришли в эпистемологию и логику от математики, затем и от физики, что стимулировало становление таких философско-методологических направлений, как инструментализм, конвенциализм и пр. Но тем не менее собственно конструктивизм как методология находил себе тогда лишь локальное выражение. Первоначально такое положение дел не изменил даже постпозитивистский переворот в философии и методологии науки. С недавних пор, однако, конструктивизм приобрел статус особого философско-методологического направления и сфера действия конструктивистских идей уже в качестве вполне определенной философско-методологической программы стала расширяться буквально на глазах. Конструктивизм сегодня ставится во главу угла методологами психологии, мето-

дологами социологии, его методологическая экспансия на другие науки социально-гуманитарного цикла (и, заметим, прежде всего социально-гуманитарного) весьма значительна.

Естественно возникает вопрос: что собственно послужило основанием для такого расширения? А самое главное, что стало причиной кристаллизации конструктивизма как особого методологического направления? В середине 1960-х гг. в методологии социальных наук возникло представление, что реальность — это набор мыслительных конструкций, что она в конечном счете есть текст (П. Бергер, Н. Лукман). К началу 1980-х складывается уже особое философско-методологическое течение — «радикальный конструктивизм» (П. Ватцлавик, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Фёрстер и др.). Усиливая трактовку реальности как системы значений, представители этого течения подчеркивают аспект «сделанности» этой реальности. «Изобретенная действительность» — название сборника, подготовленного этими авторами в 1981 г., — говорит о сути их позиции. Х. фон Фёрстер утверждает, например, что окружающая среда в том виде, как мы ее воспринимаем, — это наше изобретение. По мнению П. Ватцлавика, единственное, что существует — это множество различных версий реальности, которые могут входить в противоречие друг с другом.

Почему сегодня именно эта сторона познания и этот набор идей приобрел эпистемологическую актуальность? Почему сегодня радикальный конструктивизм считается более современным, чем, скажем, операционализм Н. Кэмпбелла и У. П. Бриджмена или инструментализм Дж. Дьюи?

Ведь, строго говоря, никто из перечисленных выше философов, в принципе принимавших некоторые конструктивистские идеи, радикальным конструктивистом не являлся. И хотя фон Глазерсфельд, один из лидеров современного конструктивизма в эпистемологии, зачисляет, скажем, Бриджмена в радикальные конструктивисты, но при этом не сложно разглядеть, что делает он это главным образом для того, чтобы придать радикальному конструктивизму культурно-историческую основательность. Не сложно показать, что для тех же целей и с той же степенью основательности фон Глазерсфельд апеллирует, скажем, к Джамбатиста Вико как к предтече радикального конструктивизма.

Действительно, набор философско-методологических идей современного «радикального конструктивизма» соотносим с кон-

¹ Пружинин Б. И. Ratio serviens. Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009.

структивистскими умонастроениями, существовавшими в совсем иное время и в абсолютно иных по своим целям областях деятельности. При этом подчеркнем еще раз. Нас интересует конструктивизм как умонастроение, как та интеллектуальная среда, внутри которой становится возможным самоопределение вполне конкретных конструктивистских направлений в различных областях культуры и в частности, в таких специализированных ее областях, как наука. Поэтому, обращаясь к тематике исторических версий конструктивизма, мы не ограничимся рассмотрением этого феномена как направления в искусстве русского авангарда 20-х гг. XX в., обладающего рядом характерных черт. Хотя в узком смысле это понятие именно таким образом и определяется в словарях по философской эстетике, причем не только сегодняшних, но и исторически существующих. В словаре художественных терминов (1923—1929) конструктивизм определяется как «течение в искусстве XX века, нашедшее себе распространение главным образом в России»². Мы же предлагаем посмотреть на «конструктивизм» как на одно из умонастроений эпохи, реализовавшееся в соответствующем направлении искусства того времени. Это умонастроение мы можем реконструировать в процессе анализа культурно-исторического сознания 20-х гг. XX в., ибо нас интересует та реальность человеческой деятельности, которая стоит за идейными течениями и по сути является жизненным контекстом, в котором умонастроения кристаллизуются в конкретные идейные направления. Мы полагаем, что только с учетом этого контекста и могут оцениваться эти направления — с точки зрения реальной жизни человека. Только так и следует оценивать даже самые абстрактные концептуальные построения, в том числе и в области философско-методологической рефлексии над познанием. В последнем случае — с точки зрения реальных проблем научно-познавательной деятельности. Такое понимание конструктивизма требует осмысления его философских оснований. Этот взгляд позволяет кое-что прояснить в вопросе, почему это «исторически ушедшее» умонастроение вызывает сегодня в эпистемологическом сообществе значительный исследовательский интерес.

² Яворская Н. В. Конструктивизм // Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923—1929. Под ред. И. М. Чубарова. М., 2005. С. 241.

Иными словами, нас в данном случае интересует в истории, в прошлом именно то, что созвучно с сегодняшним днем. Где, в каком интеллектуальном диапазоне современности можно искать и находить это созвучие? Интеллектуальный консонанс конструктивистского умонастроения эпохи модерна и современного «радикального конструктивизма», постмодерного по своей сути, наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении основных принципов конструктивизма в контексте проблем прикладного знания, прикладной науки. И это созвучие становится очевидным, когда мы осуществляем эпистемологический анализ манифестов, провозглашенных конструктивистами в 1920-е гг., в контексте специфических установок современного прикладного исследования.

Прикладное исследование задается решением конкретных практических задач и оценивается лишь с этой точки зрения. В прикладной науке как самостоятельном структурном образовании приращение знания вообще, приращение знания как общая цель, безотносительная к решению той или иной частной задачи, во внимание не принимается или воспринимается как побочный результат собственно прикладных исследований. Между тем, такая ориентация прикладной науки имеет для реализующейся внутри нее познавательной деятельности последствия эпистемологического характера. Мы фактически получаем здесь иной тип информации о мире, с иными, отличными от научного знания когнитивными параметрами, даже если эта информация внешне совпадает с научным знанием как таковым. Впрочем, чаще и не совпадает. Прикладное исследование ориентировано на получение инструментального знания, на получение знания, которое оценивается, прежде всего, по его практической эффективности, а не с точки зрения его истинности. Здесь задачи ставятся извне — клиентом, заказчиком. И результат оценивается ими же. А их интересует прежде всего технологическое решение задачи, воплощаемое решение, а не объективное представление о мире. Рациональное обоснование полученного эффекта на базе уже существующей системы знания оказывается вне мотивационной структуры прикладной науки, так что полученное знание как бы изымается из познавательного процесса и продолжает свое существование в формах, зачастую просто исключаящих его дальнейшее участие в развитии целостной системы рационального знания. Именно так и теряется

важнейший признак научного знания — возможность его использования для производства нового знания. Так, прикладное знание может представлять в виде рецептурных списков или инструкций, уместных лишь в данном конкретном (локальном) случае. Отсюда — принципиальная локальность и утилитарность инструментального знания и прикладной науки вообще.

Когда мы читаем статью-манифест Ольги Чичаговой «Конструктивизм», опубликованную в журнале «Корабль»³, мы видим, что в принципах самоидентификации конструктивистов отчетливо проявляется идеологическая составляющая, как стержень этого направления. Об этом свидетельствуют следующие аргументы конструктивистов: 1) апелляция к потребителю, а не нацеленность на объективное представление действительности, 2) замена реальной действительности конструкцией («трехмерной вещью из комбинации абстрактных плоскостей»), 3) провозглашение принципа целесообразности, эффективности, как приоритетного по отношению к поиску истины, 4) провозглашение самодовлеющей ценности техники и технологии. Эти аргументы четко фиксируют идеологическую направленность конструктивизма и его включенность в систему прагматического отношения к действительности и к человеку⁴. Заметим, что идеологию, как элемент культурно-исторического сознания, следует в данном контексте отличать от утопии, поскольку в основании идеологии лежит прагматически-конструктивный принцип (для утопии нехарактерный).

Обращение к аргументам конструктивистов от искусства не только фиксирует ушедшую историческую ситуацию, не только показывает «как это было», но позволяет соотнести их с исследовательской ситуацией, сложившейся в современной эпистемологии.

³ Чичагова О. Конструктивизм // Корабль. № 1—2 (7—8). 1923.

⁴ Конструктивисты хотели создать «нового Человека», что, в известном смысле можно расценивать как форму манипуляции. И это очень ясно выражено не только в манифестах конструктивистов, но и в психологических и психоаналитических концепциях того времени. См., например, републикацию статьи А. Б. Залкинда «О язвах Р.К.П.» (1925 г.) в журнале «Вопросы философии» 1991. № 7. С. 109—114. Мы явно апеллируем здесь к русским психоаналитическим концепциям 1920-х гг. Ведь и они, так же как и конструктивисты, «лепили» нового человека, создавая под эту задачу психоаналитические научные школы и методологические учения. И эта направленность на манипуляцию была явной в конструктивизме, как основной его принцип.

Идеологическая составляющая конструктивистской аргументации начала 1920-х гг. вполне соотносится с характером современной эпистемологической тематики (о чем свидетельствуют вызвавшие широкий читательский резонанс материалы круглого стола «Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре», проведенного в журнале «Вопросы философии»⁵). В процессе поиска интеллектуального созвучия конструктивизма начала XX в. с современной эпистемологической ситуацией мы, конечно, не осуществляем полного переноса и не отождествляем конструктивизм в искусстве начала XX в. с современным нам эпистемологическим конструктивизмом. Мы ищем некоторые идейные элементы, имеющие реальное продолжение в современной эпистемологии. В этом смысле нам интересно посмотреть в историю и оценить эти элементы.

Напомним читателю общеизвестные факты из истории конструктивизма в советском искусстве 1920-х гг. (от архитектуры до плаката, от театра до книжной графики)⁶. Выдвинув задачу «конструирования» окружающей среды, конструктивисты претендовали на то, чтобы активно направлять жизненные процессы. Они пытались сотворить «нового Человека», активно конструируя новую среду его обитания (от кухни до цеха и улицы). С этой целью они стремились максимально использовать возможности новой техники и новых материалов для формирования целесообразных конструкций. Архитекторы-конструктивисты обращались к новым строительным технологиям, способным воплотить простоту и подчеркнуть утилитаризм новых предметных форм. В этом они видели принципы построения быта «нового» общества и жизни

⁵ См.: Вопросы философии. 2003. № 12.

⁶ Применительно к зарубежному искусству термин «конструктивизм» в значительной мере условен: в архитектуре он обозначает течение внутри функционализма, стремившееся подчеркнуть экспрессию современных конструкций. Конструктивизм здесь — художественное направление в искусстве начала XX в., провозгласившее основной художественного образа не композицию, а конструкцию. Соотношение конструктивизма и функционализма было характерно и для поэзии того времени. См.: Алексей Николаевич Чичерин. Кан-Фун (Кан[нструктивизм] — Фун[нкционализм]). М.: Московский цех поэтов, 1926; Мена всех. Конструктивисты поэты. М., 1924; Госплан литературы. Статьи. Стихи. Борис Агапов, И. А. Аксенов, Корнелий Зелинский, Вера Инбер, Илья Сельвинский, Д. Туманный. Литературный центр конструктивистов.

«нового» человека⁷. Те же самые принципы утилитаризма и простоты составляли основание конструктивистских направлений в живописи и скульптуре. Во всех сферах искусства как советского, так и западного, наблюдалась одна и та же характерная тенденция: отказ от «копирования», «отражения» реального мира ради поиска новых методов (в основном технических) его конструктивно-эстетического выражения.

Приведенные нами факты отнюдь не были единичными. Конструктивистское умонастроение в начале XX в. приобретает массовый характер. Его «омассовлению» способствовала та индустриальная среда, в которой деятельному преобразованию подвергается уже «вторая природа», и разрыв между человеком и объективным, т. е. независимым от него, миром⁸ становится все глубже и рельефнее. Мир «первой природы», порождающий не технические задачи, а проблемы и тем самым демонстрирующий свое противостояние человеку-субъекту, как бы вообще выпадает из поля зрения конструктивистов. На переднем плане оказывается историческая реальность, понимаемая конструктивистами не столько как духовно-культурное целое, но как технический конгломерат, легко поддающийся тотальной реорганизации. При этом граница между миром и исторической (в данном случае — сконструированной) реальностью становится размытой, едва заметной, а иногда — просто неразличимой. И человек оказывается как бы вне мира — в реальности, где, чтобы достигнуть успеха, надо действовать по правилам, где эти правила можно менять или достраивать недостающие звенья, где человек становится создателем, творцом, конструктором этой реальности и т. д.

Все эти характеристики конструктивистского умонастроения 20-х гг. XX в. сегодня, как это ни странно, оказались в центре внимания методологов, обсуждающих перспективы и когнитивную эффективность радикального конструктивизма. Радикальные конструктивисты заимствуют свои общие принципы из современных

⁷ Воплощением теоретических принципов конструктивизма в архитектуре, сформулированных А. А. Весниным и М. Я. Гинзбургом, стал проект Дворца труда для Москвы (братья Веснины, 1923). Конструктивизм сыграл заметную роль и в развитии плакатной графики.

⁸ Для современного сознания объективный мир обнаруживает себя, как правило, лишь в природных катастрофах.

умонастроений, которые, так же как и конструктивизм 20-х гг., отрицают какую-либо данность объекта субъекту познания (субъекту конструирования). Все они, так или иначе, утверждают, что данная нам реальность располагается внутри нашего опыта, т. е. является как бы «реальностью второго порядка», ибо ее описание как бы входит в нее, и она, будучи сконструированной по нашему же проекту, как бы создана нами и не имеет никакого отношения к объективной онтологии. Между прочим, очевидно, что ссылка на «вторичность» этой реальности, так сказать, условна, ибо такой же в конечном счете оказывается и «первая», т. е. вполне физическая реальность (у Г. Рота, например).

Но что фактически дает нам сегодня подобная радикализация достаточно старой философской идеи? В качестве общей эпистемологической концепции — ничего нового, ибо перед нами просто радикальная формулировка скептицизма. В качестве общего методологического ориентира (познавательная деятельность есть, по сути, лишь осмысление свойств конструкций, построенных познающим же субъектом) радикальный конструктивизм более содержателен, хотя его содержание и носит скорее негативный характер. Конструктивизм здесь как бы высвобождает субъекта познания от ориентации на истинность знания, на соответствие знания чему-либо, находящемуся вне его конструктивной активности и тем самым создает благоприятный психологический фон для свободного научного творчества. Иными словами, радикальный конструктивизм как бы высвобождает творческую энергию ученого, освобождая его от «иллюзии» господствующей над ним реальности. Мы думаем, однако, что эпистемологическая цена такого освобождения весьма велика — познание просто теряет свои границы, ибо познанием в этом случае оказывается все, что вообще происходит внутри субъекта (в его телесной и духовной сферах). И тем не менее мы полагаем, что именно апелляция к психологическому фону познания, апелляция к психологическому состоянию познающего как к фактически единственной реальности, с которой соотнобразуется его познавательная активность (даже точнее, апелляция к психофизиологической подоснове познания), и позволяет специфицировать радикальный конструктивизм в качестве особой методологической программы и указать на те положительные, на наш взгляд, перспективы, которые она в себе несет.

Всякий набор общих соображений по поводу природы познания обретает статус конкретной методологической программы лишь постольку, поскольку на основе этих соображений об имманентных свойствах познания удастся конкретно представить структуру познавательной деятельности и наметить для нее хоть какие-то ориентиры. Логико-методологические программы трактуют познание прежде всего как логическую организацию опыта и, соответственно, строят логико-методологические модели познавательной деятельности. Культурно-исторические программы представляют познание как деятельность социокультурную по своей природе и, исходя из этого, формулируют соответствующие методологические ориентиры. Радикальный конструктивизм, коль скоро он претендует на статус философско-методологической программы, так же сталкивается с необходимостью строить свои методологические рекомендации исходя из имманентных характеристик познания как конструирования. В противном случае перед нами не методология, а просто красивая и неузвямая, но методологически совершенно бесплодная позиция — этакое скептическое умонастроение. Вот в этом плане конкретизации умонастроения как раз и оказывается весьма перспективным для радикального конструктивизма его обращение к психофизиологическим состояниям познающего субъекта как к имманентной характеристике познавательно-конструирующей деятельности. Это обращение открывает перед конструктивизмом перспективу методологической конкретизации, отличную и от нереализуемых логико-методологических программ позитивизма, и от релятивистских тупиков постпозитивистской философии науки.

Таким образом, «возвращение» радикального конструктивизма к «психологизму» в методологии науки в значительной мере связано с положением дел в современной философско-методологической рефлексии над наукой и эпистемологии вообще. Эмпирические логико-методологические претензии неопозитивизма потерпели «крах» к середине прошлого столетия. Пришедшие им на смену культурно-исторические и социально-исторические программы социологизированной методологии, самым ярким примером которых является концепция Т. Куна, продемонстрировали полную методологическую бесплодность релятивистских историко-культурных реконструкций науки. Построенные на их базе исторические реконструкции не имеют практически никако-

го методологического смысла, т. е. бесполезны в плане методологических рекомендаций для науки. «Дескриптивная методология» постпозитивизма просто отказалась от выполнения нормативно-ориентирующих функций. На этом фоне радикальный конструктивизм «развернул» разработку методологической тематики в ином, до недавних пор, вообще говоря, запретном для философии науки направлении — к психологизму и натурализму.

С точки зрения радикального конструктивизма в эпистемологии, формулировать требования к научно-познавательной деятельности, сведенной к конструированию, следует не из исторически релятивных характеристик социокультурного субъекта познания, но представляя познавательно-конструктивную деятельность как универсальную форму адаптивной активности всего живого (а может быть и вообще всего того сущего, о котором говорит, скажем, синергетика). Так или иначе, радикальный конструктивизм обращается к анализу конструктивных способностей человека, используя для обоснования своих методологических программ широко понятую натуралистическую аргументацию (биологического, нейрофизиологического, кибернетического и когнитологического характера). И если в форме конструктивистской социологии конструктивизм еще акцентирует право каждого на свое уникальное видение мира, то в качестве методологической программы в нейробиологии он уже выдвигает вполне определенные требования к познанию — в чем ему, заметим, отнюдь не мешает радикальное отрицание какой бы то ни было данности объекта субъекту⁹.

С этой точки зрения, в качестве предшественников радикального конструктивизма мы бы указали скорее на позитивистов и позитивистски ориентированных мыслителей — на принцип экономии мышления, на идеи Германа Гельмгольца и Йоганнеса Мюллера, например. Мы думаем, принадлежность к этой методологической традиции характеризует радикальный конструктивизм в эпистемологии точнее, чем ссылки на Вико. Что же касается его специфики в рамках этой традиции, то, на наш взгляд, здесь важно отметить следующее.

⁹ См. об этом работы С. А. Цоколова, в частности «Конструктивистский дискурс как философско-методологическая основа изучения когнитивных функций головного мозга (Нейробиологический конструктивизм Герхарда Рота)» // <http://www.fund-intent.ru/science/fils005.shtml>

В радикальном эпистемологическом конструктивизме концептуальные акценты смещаются на познавательные операции описания, на нарративные операции, конструирующие мир, в котором мы живем. Иными словами, эпистемологический интерес смещается на процедуры познавательного конструирования, которые напрямую затрагивают нас. Каким мы видим мир, так мы себя в нем и чувствуем — психологически (даже биологически) комфортно или дискомфортно. Описание конструируем мы, и оно нас удовлетворяет или нет, поскольку мы не просто достигаем внутри него каких-то практических целей, но еще и переживаем пребывание в нем. В описании мира мы выживаем. В этом и заключается, на наш взгляд, смысл тезиса радикальных конструктивистов о том, что познание ничего не отображает, но тем не менее имеет адаптивный характер. Познание как переживание — вот что является реальностью с этой точки зрения. Так что, если следовать логике конструктивистов, на базе интуиции переживания как раз и может осуществляться направленное конструирование и отбор адапционно значимых нарративов. Но ведь «может же осуществляться», и потому, возможна наука.

Какого рода процессы в современной науке, в современной научно-познавательной деятельности простираются за такой эпистемологической установкой? Мы полагаем, можно вполне определенно ответить на этот вопрос: нарастание массива инструментального знания и смещение фундаментальных исследований на периферию научно-познавательной деятельности. По ходу этих процессов нарративное конструирование и переживание его адаптивной значимости как основания для его когнитивной оценки выходят на передний план. Ибо речь в инструментально-прикладном исследовании идет всегда о выполнении некоторого заказа-цели: такое исследование изначально ориентировано на то, «чего хотелось бы», и корректируется ощущением внепознавательной эффективности результатов. Вот почему, мы думаем, радикальный конструктивизм и сформировался, прежде всего, в рамках направлений психологии и социологии терапевтически ориентированных, т. е. по сути прикладных. Познание как таковое в этих направлениях имеет служебный смысл, и место истинности знания занимает его эффективность. Яркой демонстрацией нарастания подобных процессов является появление так называемой

мой техно-науки, непосредственно подчиненной задачам совершенствования технологий. В технологически ориентированной познавательной деятельности реальность, которую мы познаем, действительно включает в себя собственный проект — предстает, например, как «техно-ландшафт».

Надо сказать, что доводы конструктивизма против эпистемологического представления о данности объекта субъекту познания достаточно убедительны лишь тогда, когда речь идет о довольно примитивных эпистемологических представлениях. Отказ от данности объекта в принципе превращает познание в произвольное самовыражение индивида, которое ограничивается лишь натуралистическим переживанием прикладных мотивов познавательного конструирования. В этой «прагматизации» теории познания заключается одна из причин популярности конструктивизма в век нарастания массива прикладных исследований.

Вместе с тем превращение познавательной деятельности в почти психо-биологический в любом случае в техно-натуралистический процесс, и растворение человека познающего, так сказать, в ткани этого процесса, открывает перспективы положительного исследования ряда важных аспектов процесса познания. Что, на наш взгляд, является бесспорно сильной стороной радикального конструктивизма. И к тому же, надо полагать, ведет как раз к выявлению форм укорененности человека в мире, т. е. в том числе и к выявлению форм данности объекта субъекту познания.

Принципы современного радикального конструктивизма вполне соотносимы, как мы стремились показать, с конструктивистскими умонастроениями 20-х гг. XX в. Но одной констатации возможности их соотнесения недостаточно для понимания специфики современного конструктивизма (и как умонастроения, и как методологии). Конструктивистское умонастроение (никогда не исчезавшее из европейской культуры) кристаллизовалось сегодня в методологическую программу. И причины этой кристаллизации мы видим в нарастании массива прикладной науки и быстром распространении коммуникативных систем, вытесняющих реальное общение, заменяющих его виртуальным. Конструктивизм сегодня и как умонастроение, и как методология приобрел радикальный характер. Но именно эта радикализация конструктивизма толкает его к поиску «первой природы» внутри самого человека. И это от-

личает конструктивизм сегодняшнего дня от умонастроения 1920-х гг. Конструктивистское умонастроение (как контекст) раскрывает для нас сегодня те неявные предпосылки, так сказать, тайну «радикального конструктивизма». Если конструктивисты начала XX в. стремились формировать новую среду обитания, чтобы в ней постепенно менялся Человек (абстрактный), то современные конструктивисты не ставят себе такой масштабной задачи. Они работают на «микроуровне», на уровне изменения сознательного и бессознательного отношения конкретного человека к окружающей реальности. Конструктивисты 1920-х гг. меняли мир вещей для того, чтобы изменить человека, строили вокруг него «вторую» природу для того, чтобы в ней изменился он сам. Именно на это были направлены исследования Выготского и его последователей. Сегодняшние конструктивистские установки связаны с попытками изменить самого человека, поскольку граница между миром и человеком, между «первой» и «второй» природой переместилась в сознание. И попытки сконструировать «мягкий» и «удобный» мир связаны с манипулированием сознанием человека. Поэтому и роль культурно-исторической психологии как интегрирующей психологическую проблематику меняется. Перед ней встают иного типа интегративные задачи, в осмыслении которых нам может помочь обращение к ее общегуманитарным истокам. Актуальной и острой задачей культурно-исторической психологии в современной нам культуре становится защита человека от манипулирования через понимание гуманитарных аспектов общения, не сводимых к коммуникации.

Глава 7

Парадоксы психологии: свобода и ответственность

Нам союзно лишь то, что избыточно.

О. Мандельштам

Понятие «свобода» едва ли поддается определению. С одной стороны, это предельная абстракция, с другой — вполне конкретная, осязаемая реальность или мечта о ней. Свобода — это потребность, мотив, цель, средство, результат поведения и деятельности. Однако в их структуре свободе трудно найти какое-либо определенное место. Тем более что она далеко не всегда там присутствует. Свобода — это невыносимый дар и тяжкий труд. Притом такой труд, который ничего не производит, кроме... еще большей свободы. Не вдаваясь в ее дефиниции и различие ее видов, перейдем к примерам и парадоксам. Пока для понимания последних достаточно только одной ее размерности — числа степеней свободы живого ли, мыслящего ли тела.

Ясно, что увеличение числа степеней свободы есть расширение возможностей поведения и действия живого существа. Однако такие возможности не используются автоматически. Для этого должны быть соответствующие стимулы. Их роль выполняет нужда в чем-то, недостаток, потребность, мотив, желание, мечта и т. д. и т. п. Общеизвестно, что живое существо — существо недостаточное. Напомним принцип Ж. Батая: «В основе каждого существа лежит принцип недостаточности». Соотечественник Батая М. Бланшо, развивая его идею, сказал, что человек облагает избытком недостатка, недостатком и обусловленный, — это вечно неутолимое стремление к человеческой недостаточности¹. Действительно, «самодостаточность» — редчайшее явление в человеческом обществе. К тому же до нее нужно еще дожить. Но избыток

¹ Бланшо М. Неопишемое сообщество. М., 1998. С. 16.